

*Зарубежные ученые
об экономике России*

Кейнс и Петр I: путь к экономическому благополучию и безопасности России

© Стивен Роузфилд, 2002

Рассматриваются особенности современного социально-экономического положения России, на основе чего высказывается мнение о преобладании в России так называемой «восточной модели экономики». Анализируются программные заявления и политика современного политического руководства страны и обусловленные этим возможности и перспективы экономического роста. Выдвигается гипотеза о предпочтительности в стратегическом аспекте сочетания западной кредитно-финансовой политики и восточной практики государственной мобилизации ресурсов.

Введение

Новая экономическая система России представляет собой худший из возможных вариантов. Она основывается на восточной модели экономики, которая ставит свободное предпринимательство в зависимость от личных связей. Такой подход препятствует достижению Россией благополучия, лишая ее возможности противостоять военной буре, надвигающейся с Востока, и западным революциям в военном деле. Экономическая система Кремля несовместима с «идеями Запада» – принципами, которые обеспечивают эффективность рынков. Поэтому Россия оказалась непроницаемой для либеральных экономических реформ. Советники Путина по экономическим вопросам Андрей Илларионов и Герман Греф, а также

ведущие советники «большой семерки» до сих пор этого не поняли. Они продолжают настаивать на том, что Россия сумеет перенять экономическую культуру Запада, хотя уже сегодня очевидно: этого не случится. России необходима альтернативная стратегия выхода из сложившейся критической ситуации, и эта стратегия должна соответствовать традициям страны. Таких стратегий существует несколько. Путин может, например, сочетать макроэкономическую политику Джона Мейнарда Кейнса, направленную на подъем экономики, с петровской программой развития, проводимой государством. Это позволит обеспечить порядок, необходимый для того, чтобы сделать фискальное стимулирование эффективным. Хотя этот восточный путь уступает западному, он вполне надежен для обеспечения про-

цветания России и ее интеграции в более безопасный и надежный мир. Однако данная стратегия сопряжена с некоторыми опасностями. Если такой гибрид будет внедрен неправильно, он будет вытеснен тем, что Виталий Шлыков называет «структурной милитаризацией», и породит «рыночную» версию мобилизационной системы «тотальной войны» наподобие модели, придуманной гитлеровским советником по экономическим вопросам Ялмаром Шахтом.

История поставила перед Владимиром Путиным в первую очередь задачу спасения антисоветской революции в России и подготовки к решению проблем в области безопасности в новом тысячелетии. Многие утверждают, что обе цели достижимы и что Путин – нужный человек в нужном месте. Так, его советник по экономическим вопросам Андрей Илларионов, например, заявил сразу после президентских выборов, что «у нас вновь, как и десять лет назад, есть возможность выбора. Сегодня право сделать этот выбор принадлежит новому человеку, он трезво оценивает ситуацию в стране в целом и имеет явные амбиции. Упустить такой шанс было бы крайней безответственностью по отношению к нашей стране»¹.

Оптимизм Илларионова зиждется на представлении о том, что недостатки новой экономической системы, «слепленной» на руинах централизованного планирования, могут быть быстро исправлены

путем сужения государственного регулирования экономики и укрепления правовой системы. Хотя экономическая ситуация и проблемы безопасности выглядят безнадежными, Илларионов настаивает на том, что новая система, которую намеревается создать Путин, приведет страну к такому уровню процветания благополучия, что она сможет справиться с любой угрозой².

Если бы Россия была Америкой, подобная стратегия либерализации могла бы сработать. Сторонники Путина хотели бы создать в России демократическую систему с рыночной конкуренцией, функционирование которой регулировалось бы законом и которая в скором времени обеспечила бы процветание страны. Но российская и американская культуры – антиподы. Кремлевские лидеры предпочитают верховенство привилегий и связей, а не свободного демократического предпринимательства. Они хотят, чтобы политика была выше экономики. Они хотят сохранить ельцинскую модель рынка с привилегиями для приближенных к властной верхушке, даже если в этом случае России придется отказаться от процветания и безопасности, которые предлагает американская модель.

Таким образом, перед Путиным стоит более сложная задача, чем он сейчас предполагает. Либерализации без реформирования российской традиции привилегий явно недостаточно. Путин должен либо заставить страну принять западную культуру уп-

¹ Ведомости. 2000. 13 апреля (Цитаты приводятся в обратном переводе, поэтому возможны стилистические расхождения с оригиналом. – примеч. ред.).

² Сомнения по поводу этой стратегии были высказаны Джозефом Стиглицем в его работе «*Wither Reform? Ten Years of Transition*». Keynote Address, Annual World Bank Conference on Development Economics 28-30, April 1999. Но большинство аналитиков не обескуражено десятилетием провала. Например, Дж. Неллис пишет: «Итак, пришло время переосмыслить приватизацию... но не стоит преувеличивать допущенные ошибки». См.: *Nellis John. Time to Rethink Privatization in Transition Economies* // International Finance Corporation, World Bank Discussion. 1999. Paper 38.

равления и ведения бизнеса, либо разработать особую стратегию, которая была бы вторым по предпочтительности вариантом для России. Оба вышеназванных пути теоретически возможны, но вряд ли осуществимы практически. С одной стороны, советский опыт показывает, что даже наиболее радикальная демократическая риторика не способна оказать существенного влияния на российский авторитарно-командный стиль управления, с другой – альтернативная программа развития, осуществляемая государством, может не сработать из-за неэффективности экономики, коррупции и структурной милитаризации страны. Поэтому осуществление надежд на достижение процветания и безопасности в России весьма сомнительно. Это не имеет существенного значения, если внешний мир будет стабильным и спокойным, но это может иметь разрушительные последствия, если нестабильность в Азии станет причиной начала трехсторонней гонки вооружений, которую Кремль явно проиграет.

Примечание. Похоже, что в случае обострения ситуации новая гонка вооружений начнется в Азии и распространится на США. Китай проводит ускоренную модернизацию своих вооруженных сил, оборудуя их для достижения целей, расположенных не только на Тайване, но и на Spratley Islands, the Luzon Straits, the Senkaku Isles, в Индии, Сибири и российском Дальнем Востоке. Китай, видимо, пытается таким образом восстановить свою традиционную гегемонию в Азии, которая была достигнута за счет обеспечения контроля над морской торговлей Восточной Азии с Южной Азией и Европой. Хотя Америка теоретически могла бы согласиться на рост мощи Китая, сегодня не похоже, что США примирятся с подобными стремлениями Китая и пойдут на прекращение сотрудничества с Японией в области безопасности. Выход США из американо-японского Соглашения о безопасности неотвратимо повлечет за собой оживление

призрака японского милитаризма, ибо Япония попытается противостоять Китаю собственными силами. Распространение ядерного оружия в Индию, Пакистан и Северную Корею, сопровождающееся созданием баллистических ракет и противоракетной системы безопасности на Тайване и в Америке, только подливает масло в огонь, поддерживая пламя многополярной гонки вооружений, которую Россия должна проиграть, если будет по-прежнему цепляться за ельцинскую систему рыночных привилегий (см.: *Bernstein Richard, Munro Ross. China I: The Coming Conflict With America* // *Foreign Affairs*. 1997, V.76. №76 (March/April). P. 18-32; *Brad Roberts, Manning Robert, Montaperto Ronald. China: The Forgotten Nuclear Power* // *Foreign Affairs*. 2000. V. 79. №4. (July/August). P. 53-63; *Bracken Paul. The Second Nuclear Age?* // *Foreign Affairs*. 2000. V.79. №1. (January/February). P. 146-157; *Hegemon Steven Mosher. China's Plan to Dominate Asia and the World*. Encounter Books. San Francisco. 2000; *Calder Kent. The New Face of Northeast Asia* // *Foreign Affairs*. 2001. V.80. №1. (January/February). P. 106-123). У китайцев есть около 300 ракет «Донг-Фенг-II» ближнего радиуса действия, направленных против Тайваня, в августе 1999 г. были проведены испытания «Донг-Фенг-31» радиусом действия 8000 км. «Донг-Фенг-41» (еще большей дальности действия) находится на стадии разработки. Северокорейские ракеты «Тапепе-Донг-I» также имеют дальность действия 8000 км. Пол Брэкен так описывает ситуацию: мир входит не в «эру, следующую за эрой холодной войны, а в эру, следующую за эрой Васко да Гама, – период, когда внешние атрибуты западного военного превосходства теряют свое значение, когда азиатская индустриализация и богатство поддержат военные начинания, которым будет тяжело противостоять даже более современной внешней силе» (p. 149). Американская оценка Китая как страны, «представляющей угрозу», – засекреченная информация, тем не менее в прессе периодически появляются сообщения, свидетельствующие об этой убежденности (см. также: *Asia 2025* // *International Herald Tribune*. 2000. March 20). Русские обеспечивают Китай технологиями производства вооружения и оружием для ведения наступательных действий, в

том числе СУ-27С, что впоследствии может выйти им боком. Путин заявил о том, что остановит это, но вместе с тем он хочет увеличить экспорт вооружений до 6-7 млрд долл. (см.: *Sevastianov Sergey, Russian Reforms: Implications for the Security Policy and the Status of the Military in the Russian Far East в Security Implications of Economic and Political Developments in the Russian FarEast* // National Bureau of Asian Research. 2000. May 7-8.; *Global Trends 2015: A Dialogue About the Future with Non-government Experts NIC 2000-02*. 2000, December. <http://www.cia.gov/cia/publications/globaltrends2015/index.html>. В докладе «Военно-экономический потенциал Российской Федерации» генерал-лейтенант Вячеслав Сулов высказал аналогичную точку зрения на семинаре «Потенциал России в XXI в.». House of Estate. Helsinki. 2001. March 23. Finland).

Верховенство политики

Сложность задач, стоящих перед Путиным, одним аналитиком кажется более очевидной, чем другим. Экономисты и политологи, верящие в универсальную целительную силу рынка или демократии, не беспокоятся. Они полагают, что если рыночные реформы и реформы военно-промышленного сектора еще не принесли России процветания и безопасности, то это обязательно скоро произойдет. Экономисты ожидают, что государство продолжит приватизацию своих активов и сократит регулирование рынка (например, прекратит манипуляции с обменным курсом валют). Они уверены, что акции в конце концов будут переданы в нужные руки за счет слияния и покупки, что отношения собственности будут рационализированы, практика погони за привилегиями постепенно сойдет на нет, пред-

принимательство будет процветать и зарубежные инвестиции хлынут в страну, как только законы рынка одержат верх над произволом в государственном управлении и подкупом, а конкуренция получит поддержку и размах. Политологи ожидают, что демократическое давление вызовет к жизни эти экономические реформы и превратит кремлевских олигархов в покорных слуг избирателей. Эти идеалистические выводы делаются исходя из идеалистических предпосылок – из того, что Сэмюэл Хантингтон называет «идеей Запада», но они не имеют ничего общего с «идеей российской цивилизации»³.

Запад, как нам недавно напомнили, уникален, а не универсален. В нем реализовалась культура, поддерживающая общие концепции конкурентных рынков, – культура, в которой демократия формировалась постепенно, на протяжении более тысячи лет. И эта культура конфликтует с некоторыми аспектами других, также прочно утвердившихся культур в странах Африки, Восточной Азии, Ближнего Востока и России. Эти цивилизации могут перенять и иногда действительно перенимают внешние атрибуты свободного предпринимательства при верховенстве закона и представительной демократии, когда в них реализуется курс на модернизацию. Однако этого оказывается явно недостаточно, чтобы преобразовать также культуры в «западные», потому что сила и привилегии деформируют рынок, а административные механизмы создают барьеры, связывают по рукам и ногам конкуренцию, искажают намерения и подавляют частную инициативу.

³ *Huntington Samuel. The West: Unique, Not Universal* // *Foreign Affairs*. 1996. V.75. №6 (November/December). P. 28-46.

Примечание. Чтобы рынки считались по западным меркам эффективными, они должны отвечать шести условиям: полезность должна быть положительной функцией материального потребления (создания богатства); в сфере материального потребления выбираемые предпочтения должны быть транзитивны; власть и доминирование не должны быть «вещью в себе»; должны быть гарантированы права собственности, а сама собственность – оптимально распределена; контракты должны быть оформлены в законодательно установленном порядке; барьеры к вступлению на рынок должны быть преодолены, а конкуренция – развитой. Российские «западные» рынки не отвечают всем этим условиям. Материальным потреблением, созданием богатства и транзитивностью часто жертвовали в пользу других стремлений.

Часто самоцелью становилась власть. Права собственности не гарантировались, а сама собственность распределялась неэффективно, что препятствовало инвестированию. Верховенство закона подавлялось правительством, мафия и узкоклановые интересы снижали эффективность производства и вызывали массовую безработицу. Все эти обстоятельства усугублялись серьезными препятствиями развитию конкуренции.

Злоупотребления властью и привилегиями, подавляющие и извращающие экономическую деятельность в путинской России, отражаются прежде всего в структуре собственности, правилах ведения бизнеса и принципах государственного управления, заполняющих нишу, образовавшуюся в результате распада системы централизованного планирования. Приватизация российских промышленных предприятий и компаний, работающих в сфере услуг (где деятельность не связана с землей и природными ресурсами), была проведена по восточным канонам. Вместо того чтобы передать акции на аукционах тем, кто предложит самую высокую цену, и позволить им нанять компетентных менеджеров, эти акции были распределены по политическим соображениям Анатолием Чубай-

сом, которого называют архитектором российской схемы приватизации. Между рабочими и руководящим персоналом акции предприятий были распределены как 4:1. Государство также сохранило долю, размер которой варьировался. Остатки распределялись среди населения в виде ваучеров, которые были быстро перехвачены различными фондами и продавались по большей части приближенным к власти на льготных условиях. Восточный путь решения проблемы обеспечил неожиданную выгоду рабочим, менеджерам и аутсайдерам из элит – представителям рентабельных фирм – и стал для всех остальных бременем долговых обязательств. Предприятия, которые раньше прямо или косвенно субсидировались советским государством, оказались неимущими и беспомощными, нуждающимися в кредитах и специалистах в области рынка, тогда как прибыльные фирмы были вовлечены в борьбу за контроль. Поскольку рабочие владели большей частью акций предприятия, они имели право устанавливать зарплату, дивиденды и распоряжаться некоторыми активами в целях личного обогащения. Менеджеры, видя эту серьезную угрозу, перехитрили рабочих, нанеся удар первыми до того, как их могли уволить на годовом собрании акционеров. Подобный способ управления бизнесом привел к быстрому смещению внимания с производства и получения прибыли на соперничество для установления контроля над доходами и «ворованными активами» (продажей ценного имущества для того, чтобы отдельные держатели акций получили выгоду). Единственный шанс состоял в том, что новые, только что сформировавшиеся на основе разграбленных активов фирмы могли начать получать прибыли и процветать. Но

этим шансом воспользовались единицы, поскольку успех в бизнесе делал владельцев фирм уязвимыми перед мафией и более крупной «политической рыбой».

В результате прибыльными секторами российской восточной модели рыночной экономики стали такие виды деятельности, как поставка природного газа, телекоммуникации, банковское дело и зарубежная торговля, которые субсидировались государством, направлявшим субсидии самому себе, элитам, мафии и другим «соискателям» политической ренты. Добившиеся покровительства правительства получали доходы, не беря на себя взамен никаких обязательств по предоставлению легальных услуг⁴. Сельское хозяйство и бывшую советскую «теневую» экономику оставили нетронутыми, тогда как остальные сектора экономики, в том числе новые фирмы, были брошены на произвол судьбы⁵. Тем не менее в стране все же имеется ряд жизнеспособных предприятий, в том числе совместных, но их недостаточно для интеграции России в глобальную экономику, поскольку приближенный к власти закрытый сектор, управляемый на основе привилегий, препятствует разворачиванию конкуренции; кроме того, конкуренция в других отраслях сдерживается мерами административного регулирования, а также коррупцией.

Реформирование советского военного сектора было проведено по той же самой

схеме. Ельцин аннулировал большую часть контрактов на поставку вооружения, что продемонстрировало его незаинтересованность в том, что выгодно государству и приватизации ВПК. Он применил ту же восточную модель⁶.

Предприятия, которые остались полностью или большей частью государственными, военно-промышленные институты и агентство по экспорту вооружения («Росвооружение») стали для новой элиты поистине золотой жилой. Представители этой элиты процветали благодаря лоббированию и продаже оружия за границу. Они создавали совместные предприятия с такими западными компаниями, как *Lockheed-Martin*, для коммерческого производства ракетополетителей спутников, а также получали из США средства для покупки расщепляющихся материалов, дезактивации ядерных боеголовок и найма ученых-ядерщиков. Высший офицерский состав обогатился на распределении между собой резервного военного имущества, предназначенного для ведения стратегической и затяжной войны, распродавая его в Калининграде или экспортируя посредством челночной торговли через Китай в Восточную Азию и дальше. Оставшаяся часть ВПК была просто брошена на произвол судьбы. Число новых контрактов на поставку вооружения резко сократилось, получила широкое распространение практика задолженности по вы-

⁴ Андерс Ослунд обвиняет государство во всех этих злоупотреблениях и выступает – в соответствии в постулатами Чикагской школы – за то, чтобы сузить влияние государства. Но рынки в России уже не являются такими простыми и «чистыми», и неформальные механизмы «обязательств» распространяются в основном на приближенных к власти. См.: *Aslund Anders. Russia Collapse // Foreign Affairs*. 1999. V. 78. № 56 (September/October). P. 64-77; *Wolosky Lee. Putin's Plutocratic Problem // Foreign Affairs*. 2000. V. 79. №2 (March/April). P.18-31.

⁵ Объем сельскохозяйственного производства с 1991 г. сократился более чем на 40%.

⁶ *Cooper Julian. The Russian Military Industrial Complex: Current Problems and Future Prospects*; выступление на семинаре «Потенциал России в XXI в.». House of Estate. Helsinki. 2001. March 23. Finland.

плате зарплаты. Некоторые предприятия ВПК отреагировали на подобные изменения и перешли на гражданское производство, продолжая тем не менее сохранять статус военно-промышленных предприятий и получать дешевое топливо. Однако их успехи не производят большого впечатления.

Структурные разрушения

«Восточный переход» России серьезно повлиял на ее сегодняшний и будущий производственный потенциал. Из-за устаревания части производственных мощностей сократился объем капитальных активов в физическом выражении. Депрессивное состояние экономики дезорганизовало рынки промежуточных ресурсов, снизило производительность капитала; во времена ельцинского периода «управления привилегиями» инвестиции уже не позволяли достигать желаемых целей.

Объем новых капитальных активов России сегодня составляет менее 20% уровня 1990 г. Мелких инвестиций, сделанных в экономику после 1991 г., было достаточно для увеличения реальных валовых капитальных активов на 8% без учета амортизации, компенсационных выплат, избыточного брака (вызванного разворыванием активов и их устареванием), тогда как чистые капитальные активы с учетом амортизации уменьшились примерно на 10%⁷.

Подробный анализ их состава показывает, что машиностроение, металлургия и

легкая промышленность тесно связаны с энергетикой и электричеством и что вероятность успешной переориентации ВПК на гражданское производство и модернизации комплекса мала.

Примечание. Конверсия и модернизация оказали только поверхностное влияние на ВПК, и Россия полностью унаследовала старую советскую мобилизационную систему готовности после распада Союза в 1991 г. Таким образом, Россия может провести перевооружение, используя советские виды оружия, но она вряд ли будет успевать за разработками мировых ведущих военно-технических держав на фоне революций в военном деле. Исключением является ядерное оружие. Его технические возможности позволяют сохранить России лидерство вместе с США и на много лет опережают ядерные технологии, которые могут появиться в других странах. См.: *Unge Wilhelm. The Russian Military-Industrial Complex in the 1990-s.* FOA-R-00-01702-170-SE, December, 2000; *Sevastianov Sergey. Russian Reforms: Implications for the Security Policy and the Status of the Military in the Russian Far East // Security Implications for the Security Policy and the Status of the Military in the Russian Far East.* National Bureau of Asian Research: 2000. May 7-8; *Burns Katherine. Security Implications of Economic and Political Developments in the Russian Far East.* National Bureau of Asian Research. 2000. May 7-8. Ослабление государственного контроля над активами ВПК поощряет их разворывание и нецелевое использование доходов, что подрывает мощь ВПК и еще больше усложняет задачу сохранения статуса России как военной силы. См. также: *Шлыков В. Неизбывный комплекс // Итоги.* 2000. №19., 14 май.

Хуже то, что приватизированные элементы ВПК (это в основном поставщики) имеют интересы и в других отраслях, затрудняя производителям оружия доступ к необходимым ресурсам внутри страны и в странах ближнего зарубежья. Что касается

⁷ *Rosefelde Steven. Economic Foundations of Russian Military Modernization: Putin's Dilemma // Crutched Col. Michael. The Russian Armed Forces at the Dawn of the New Millenium. // U.S. Army War College. Carlisle Barracks. Pennsylvania. 2000. P. 101-117; National Intelligence Council. Russia's Physical and Social Infrastructural Implications for Future Development. CR 2000-06. 2000. (December).*

хороших новостей, то исследование корпорации McKinsey показало: основной капитал наиболее защищенных российских промышленных предприятий поддерживался в хорошем состоянии: 90% чистого капитала, оставшегося со времен СССР, можно продать, если возобновится спрос на советское «фирменное» оружие и восстановится доступ к ресурсам. В целом же, принимая во внимание слишком большой объем брака, моральное устаревание средств ведения стратегической войны, а также некоторые улучшения, произошедшие в новую эру ельцинского правления в системе поставки нужных для производства ресурсов, наличные чистые капитальные активы могут позволить восстановить российские экономические показатели как в военном, так и в гражданском секторах до 85% уровня советской России. Но если Путин решит не возобновлять гражданские и военные контракты советских времен, это, конечно, приведет к еще большему устареванию основного капитала, так что российский производственный потенциал сохранится примерно на его сегодняшнем уровне (чистые капитальные активы составляют примерно 50% уровня 1990 г.).

Такая же история происходит и с трудовыми ресурсами. Численность трудоспособного населения сократилась на 3,4 млн человек – это люди, умершие в период 1990-1998 гг. сверх нормального уровня смертности. Столь высокий уровень смерт-

ности был следствием резкого ухудшения здоровья населения⁸. Сегодня в стране насчитывается примерно 17 млн безработных и частично занятых рабочих всех квалификаций. Положение еще больше усугубляется из-за массовой «утечки мозгов» среди научной и инженерной элиты⁹. «Утечка мозгов» имеет по большей части внутренний характер, хотя многие эмигрируют на Запад. Из-за миграции населения опустели целые области. Здесь сегодня уже было бы трудно найти высококвалифицированных рабочих для обслуживания ВПК и гражданских предприятий, даже если бы была предпринята попытка вновь достичь советского уровня поставок по контрактам. Эти ухудшения «компенсируются» отчасти повышением уровня частного образования для элиты и легким доступом к огромному фонду трудовых ресурсов. Но полномасштабная рекапитализация и перевооружение будут отложены, скорее всего, на многие месяцы или даже годы.

Стратегия выхода

Урон, понесенный российским хозяйством и экономической системой страны, очень глубок, но не смертелен. Его можно восстановить при помощи либо западной, либо восточной стратегий выхода. Путин может попробовать изменить российскую цивилизацию таким образом, чтобы она ока-

⁸ Rosefielde Steven. The Civilian Labor Force and Unemployment in the Russian Federation // Europe-Asia Studies. 2000. V.52. №8. (December). P. 1433-1447; Rosefielde Premature Deaths: Russia's Radical Economic Transition in Soviet Perspective, Europe-Asia Studies. 2000. January; Field Mark and Twigg Judyth. Russia's Torn Safety Nets. N.Y.: St. Martins Press. 2000. Ellman Michael. The Russian Economy Under Eltsin // Europe-Asia Studies. 2000. V. 52. № 8 (December).

⁹ National Intelligence Council. Russia's Physical and Social Infrastructure: Implications for Future Development. CR 2000-06, 2000. December; Kontorovich Vladimir. The Russian Health Crisis and the Economy: VI ICCEES World Congress. Tampere, 2000. 29 July.

залась совместимой с системой свободного демократического предпринимательства, регулируемого на основе договорного права. Он также может выборочно развивать те рынки, которые способствуют развитию государства-гегемона. Эту стратегию предложили проводить Леонид Абалкин, Виктор Ивантер, Георгий Клейнер, Виктор Геращенко и Владимир Попов¹⁰.

Экономическая программа Путина, объявленная 28 июня 2000 г., отвергла обе вышеуказанные стратегии. Вместо них в программе предпринята попытка совместить систему привилегий для приближенных к властной верхушке с либерализацией брошенных государством секторов российской экономики. Его инициатива по повышению эффективности экономики сводится к отмене прогрессивного подоходного налога на богатых, уменьшению налогового бремени, закреплению прав на нелегально приобретенную собственность, обузданию олигархов, приватизации земли, прекращению бартерного обмена, реструктуризации монополий, реформированию российской законодательной системы и уменьшению государственного регулирования для поощрения создания новых предприятий¹¹. Программа обещает значительно расширить экономическую свободу и конкуренцию. В

то же время она предполагает усиление авторитарного политического стиля управления, что нашло отражение в политике усиления центральной власти над регионами России (укрепление вертикали «Центр – регионы»), ограничении свободы прессы, репрессиях независимо мыслящих олигархов, таких, как Владимир Гусинский и Борис Березовский, укреплении ФСБ, военной и налоговой полиции.

Примечание. Кампания Путина против олигархов не противоречит обещаниям премьер-министра Михаила Касьянова не проводить ренационализацию приватизированных в 1990-х годах активов. Многие предполагают истинные мотивы Путина, рассматривая его кампанию как еще один способ для получения поддержки общества путем использования некоторых старых методов. (см.: Higgins Andrew. *Putin's War on Moguls Bogs Down as Front Shifts to the Province* // Wall Street Journal. 2000. July 10. P. A1; Idem. «Immunity» of Moscow's Oligarchs is Ending // Wall Street Journal. 2000. July 12. P. A216, A23; Cullison Alan and Whalen Jeanne. *Russia's Tax Police Target an Auto Maker* // Wall Street Journal. 2000. July 13. P. A20; Chazan Guy. *Russia's Duma Clears Putin-Backed Bills* // Wall Street Journal. 2000. July 20. P. A21). Преследования олигархов со стороны правительства не новы. Ельцин также иногда инициировал против олигархов кажущаяся довольно поверхностными, поскольку в то же время он упразднил прогрессивный налог на доходы богатых, а санкции против олигархов не были слишком жесткими, за исключением санкций против В. Гусин-

¹⁰ Владимир Попов отстаивает точку зрения о том, что Россия могла бы восстановить большую часть потерянного, не проводя реформ, только с помощью внутреннего государственного инвестирования.

¹¹ Cullison Alan and Chazan Guy. *Russian Government Approves Plan for Major Economic Reform* // Wall Street Journal. 2000. June 29. P. A22; Гавриленко Евгений. Долгосрочные структурные изменения и рост производительности в России // Бюро экономического анализа. Доклад, представленный на российско-германской конференции в Санкт-Петербурге. 2000 май; Chazan Guy. *Russia's Duma Clears Putin-Backed Bills* // Wall Street Journal. 2000. July 20. P. A21. Дума одобрила Закон о налогах 19 июля 2000 г., закрепивший максимальную ставку подоходного налога с физических лиц в размере 13%. Однако Закон должен быть ратифицирован также Федеральным Собранием. (см.: Осипов Г. Станет ли Путин экономическим либералом? // Сегодня. 2001. март 22. Последняя 10-летняя программа социально-экономического развития не более чем дополняет план, принятый в прошлом году, некоторыми новыми разделами, в частности уточняет план развития регионов, план капиталовложений, развития природных монополий и политики в области окружающей среды.

ского, у которого конфисковали дома. Гусинскому угрожали наложением ареста на его активы в России и за границей, и Москва пыталась добиться экстрадиции олигарха из Испании по обвинению в совершении преступных операций. Бориса Березовского, человека из близкого окружения Путина, сначала не трогали, но и ему пришлось уехать за границу со своими деньгами после выхода в отставку из Думы 17 июля 2000 г., чтобы возглавить оппозиционное движение, цель которого – предотвратить дегенерацию политического режима в России до уровня режима «в латиноамериканском стиле». Березовский являлся владельцем 49% акций ОРТ, национальной общественной телевизионной сети, газеты «Коммерсант» и значительных пакетов акций нефтяных компаний. См.: *Tremlett Giles. Leader's Secret Holidays to Spain // The Times. 2000. June 15; Chazan Guy. Russian Businessman Challenges Putin // Wall Street Journal. 2000. July 18; Chazan Guy. Russia's President Reshuffles His Cabinet // Wall Street Journal. 2001. March 29. P. A11; Chazan. Guy Putin Urges Reforms to Invigorate Business // Wall Street Journal. 2001. April 4. P. A17.*

В ежегодном Послании к Федеральному собранию в 2001 г. Президент Владимир Путин нарисовал мрачную картину состояния российской экономики. «Выздоровление, – сказал он, – заключается в либеральных реформах, ликвидации бюрократических преград развитию свободного предпринимательства, создании справедливой налоговой системы, прекращении регулирования валютного обмена и в создании нового кодекса с целью проложить России дорогу к членству в ВТО».

Суть стратегии заключается в основном не в выдвинутых целях, а в тех, которые замалчиваются. По мнению либеральных западных экономистов-теоретиков, программа стимулирования экономики Путина предполагает, что вмешательство государства всегда вредно. Президент против вмешательства государства, он хочет попытаться исправить нефункциональные стороны российских промышленных прав собственности, из-за чего шахтеров травливают на менеджеров, сторонних держателей акций – на государство. Путин также

отказывается создавать институты, которые бы способствовали решительной борьбе с монополиями или стимулировали восстановление экономики посредством вмешательства государства. Пока его политика невмешательства выглядит вполне прогрессивной, она сохраняет status quo Ельцина. Привилегированный сегмент экономики, состоящий из монополий и государственных подрядчиков, в том числе неизвестных олигархов, стремящихся получать ренту, остается по-прежнему закрытым. Гусинского и Березовского уже вывели из игры, но олигархи остались. Их активы были просто переданы сторонникам Путина. Освобождение богатых от уплаты прогрессивного подоходного налога было призвано расширить путинское окружение. Однако реальный эффект от этого решения невелик, поскольку занимающиеся добычей природных ресурсов опасаются, что избыточное предложение резко снизит цены на ресурсы. Налоговая реформа не позволила повысить спрос на российские вооружения, а возможность получать ренту ограничена способностью правительства перечислять средства из общих доходов в пользу инсайдеров. Это означает, что если принцип свободного предпринимательства *laissez faire* зажжет искру стремительного экономического выздоровления России, то импульс к этому выздоровлению должен исходить прежде всего из сфер экономики, которые были брошены на произвол судьбы в начале ельцинского правления: из сельского хозяйства, малого бизнеса и старой советской промышленности, ценные активы которых были разворованы. Возможно, как учит западная теория, свободное предпринимательство и освобождение богатых от подоходного налога сотворит

чудо, несмотря на противоречивую структуру прав собственности, долговое бремя, недостаток кредитов, некомпетентность руководителей, мафию и вымогательство со стороны других структур, но столкновение разнонаправленных сил делает такую стратегию малообещающей. Путинская программа – не более чем приукрашенная и интегрированная версия ельцинской системы, дополненная несколькими новыми лицами и стремлением к усилению политического контроля со стороны Москвы.

Примечание. Однако некоторые предложения А. Илларионова вполне конструктивны и могли бы повлечь новые движения и инициативы. Например, он призывал к «полномасштабной чистке» российской экономики, чтобы выяснить, кто чем владеет, и искоренить всех неплательщиков и задолжников. Идея, безусловно, хорошая, но она разъярит военных, поскольку неизбежно покажет, что невозможно содержать армию, насчитывающую, по официальным данным, 1,2 млн человек (правда, недавно признали, что реальное число – 3 млн человек), вести дорогостоящую войну в Чечне, содержать оборонную промышленность, в которой заняты 2 млн человек (вероятно, 6 млн человек) за счет жалких оборонных заказов, а также создавать «вооружение будущего, не имеющее аналогов в мире» на средства, лишь номинально заложенные в оборонном бюджете. Кроме того, возникает вопрос: как Путину удастся сократить вдвое расходы, увеличивая ассигнования в военную сферу на 50%? (см.: Cooper Julian).

Также продолжается ничем не сдерживаемая коррупционная деятельность олигархов. (см.: Higgins Andrew. *Assets Vanish From Failed Russian Bank: Audit Is Said to Show SBS-Agro Is Missing More Than \$1 Billion* // Wall Street Journal. 2001. February 16. P. A16). «Некогда крупнейший рос-

сийский частный торговый банк СБС-АГРО стал символом безуспешных усилий России реформировать банковскую систему, подорванную дефолтом 1998 г., когда правительство отказалось выплачивать часть своего долга и девальвировало рубль. Многие крупные российские банки отказались от обязательств и перевели остатки своих активов в отделившиеся от них «теневые» банки. Этими банками руководит Александр Смоленский, бывший создатель СБС-АГРО. В качестве «справедливой» компенсации иностранные банки получили по 1 центу на доллар». (см.: Higgins Andrew. *Tycoon Fights to Keep TV Station Out of Russia's Hands* // Wall Street Journal. 2001. February 8. P. A16).

Эта реальность была замаскирована экономическим ростом, вызванным резкой девальвацией рубля в сентябре 1998 г., приведшей к значительному удорожанию импорта и стимулированию производства отечественных заменителей и взлетом мировых цен на нефть и природный газ. Но постепенная адаптация рублевых цен к инфляции уже начала сокращать эти преимущества. Если Путин хочет добиться значительных изменений в экономике и укрепить безопасность страны, ему придется поискать лучшую стратегию¹².

Лучшей стратегией выхода, сочетающейся с петровской культурой, представляется государственная программа, которая бы в ходе восстановления сельского хозяйства, коммерческой деятельности, деградировавших промышленных предприятий урезала бы привилегии в секторе приближенных к власти за счет организации общественных работ и кредитования, кото-

¹² Cooper Julian. *Russian Economy Under Putin* // BASEES Annual Conference 2001; Malle Silvana. *The Russian Federation: From Strong Rebound to Moderate Growth and What Next* // BASEES Annual Conference 2001. Чистые инвестиции в промышленность остаются отрицательной величиной на 80% предприятий, которыми недавно управлял Алексей Пономаренко (см.: Неопубликованное исследование. 2001, март). Более оптимистическую картину состояния российской экономики, которая, однако, вводит в заблуждение, можно найти в: Asland Anders. *The Myth of Output Collaps After Communism* // Working Paper, 18; Carnegie Endowment for International Peace. 2001, March. Ослунд смешивает анализ положения рубля и доллара.

рые бы регулировалось законом. Хотя «большая семерка», озабоченная бессмысленными издержками, обманом, злоупотреблениями и перевооружением, предупреждала Путина о негативных последствиях принятия подобной программы, — имеющийся в России, Японии, Корее, на Тайване и в Китае опыт подтверждает, что «накачка» средств в экономику (расширительная фискальная политика, заключающаяся, прежде всего, в осуществлении программ общественных работ) и субсидирование могли бы стать подходящей стратегией выхода из того болота, в котором сегодня оказалась Россия.

Кейнс и Петр I

Если Путин подтвердит, что является таким же убежденным сторонником авторитаризма, как Петр Великий, то сможет использовать огромные властные полномочия для восстановления погибающей российской экономики: стимулировать совокупный спрос посредством кредита и распределения государственных контрактов на закупку в секторах, которые были заброшены во времена ельцинской переходной экономики, создавать новые структуры для оказания помощи, организации контроля и давления, чтобы поддержать предпринимательство, а также вводить репрессивные меры против деструктивного экономического поведения. Первый аспект этой программы основывается на гипотезе Кейнса о том, что недостаточно «эффективный совокупный спрос» препятствует

выздоровлению России в большей мере, чем микроэкономическая неэффективность, поскольку богатые не инвестируют и не приобретают отечественные потребительские товары (отчасти потому, что олигархи хранят свои деньги за границей)¹³.

Лекарственным средством в данной ситуации является, по Кейнсу, предложение аккумулировать излишние сбережения во внутренних и заграничных накопительных фондах, созданных для инвестирования в проекты общественных работ (в государственном секторе), оплаты государственных контрактов и субсидирования налоговых «каникул» для бизнеса. Хотя оппоненты Кейнса оспаривали тот факт, что правительство могло позволить себе такие проекты во времена Великой депрессии 1930-х годов, он тем не менее утверждал, что увеличение расходов госбюджета не является во время рецессий сдерживающим экономику фактором, так как предоставление рабочих мест бездействующему трудоспособному населению обязательно окупится. Когда правительства заключают контракты на закупки как в гражданских, так и в военных целях, это автоматически ведет к последующему найму новых работников. Часть их зарплаты расходует на покупку потребительских товаров, остаток сберегается. Величина сбережения является фиксированной, так как определяется предельной склонностью к потреблению. Покупка потребительских товаров ведет к дальнейшему найму новых работников: блага не могут быть произведены без привлечения дополнительных факторов производства, а зарплаты, которые бу-

¹³ Кейнс утверждал, что фазы спада свойственны даже реальной либеральной экономике. Чикагская школа уже не признает этого положения, хотя считает неправильным и вредным полностью отрицать кейнсианство.

дут выплачены новым работникам, также будут частично потрачены на расширение потребления, стимулируя дальнейший наем работников и расширение потребления, пока предельный доход от найма не упадет до нуля. Кейнс называл этот процесс «мультипликатором», говорил о том, что его величина равна примерно 4 и что каждый доллар, потраченный правительством на увеличение потребления товаров и услуг, вызовет дополнительный рост ВВП на 3 долл. Таким образом, Россия могла бы бороться с вынужденной безработицей до тех пор, пока устаревшие предприятия, сельское хозяйство и новый предпринимательский сектор не начнут реагировать на фискальное стимулирование, даже несмотря на то что значительные доходы от налогов в бюджет не поступят.

Недостатки структуры российских прав собственности, некомпетентность менеджеров, неразвитость механизмов, стимулирующих конкуренцию, узаконенная анархия, административные барьеры и недостаток кредитов наверняка ослабят отдачу от таких программ. Но эти проблемы – особенно в заброшенных отраслях экономики – могли бы быть решены в рамках дополнительной государственной программы развития, которая предполагает строгое регулирование поведения держателей акций, форсированное увольнение некомпетент-

ных руководителей, применение санкций в отношении тех, кто препятствует развитию конкуренции, укреплению власти закона, а также сокращение административных барьеров и предоставление государством кредитов заброшенным секторам экономики. Такая политика позволит компаниям внедрить новые технологии, модифицировать выпускаемую продукцию и создать новые производства, продукция которых отвечала бы спросу со стороны потребителей и государства. Руководитель петровского образца мог бы преуспеть здесь, проводя политику «железного кулака», чего не смогла добиться снисходительная политика привилегий Ельцина¹⁴.

Сочетая западную кредитно-финансовую политику и восточную практику государственной мобилизации, Москва могла бы выбрать тот путь развития, который для нее наиболее предпочтителен, использовать преимущества политики бюджетного дефицита и сохранить нетронутыми свои ресурсы. Если Москва сделает мудрый выбор, то она сможет добиться высокого уровня ВВП, сбалансированной структуры гражданского и оборонного производства¹⁵, полной занятости, умеренного экономического роста, ограниченного сохраняющейся системой бюрократии и привилегий.

Стратегия Кейнса и Петра I в настоящих условиях предпочтительнее стремле-

¹⁴ *Gershenkron Alexander. Review of Peter Lyaschenko, Istoria narodnogo khozyaystva SSSR. In Gershenkron, Continuity in History and other Essays. Cambridge, Mass: Belknap Press, 1968. P. 419-421.*

¹⁵ Долларовая стоимость российского ВПК колеблется в пределах 5-6 млрд долл. в пересчете по обменному курсу. Но в России есть мощности, позволяющие увеличить производство вооружения в 10 раз, доведя его до уровня России советских времен. Если использовать эти мощности и если курс рубля по отношению к доллару будет стабильным, то долларовая стоимость российского вооружения значительно превысила бы стоимость вооружения США. Оценка стоимости российской оборонной промышленности в рублях может полностью дезориентировать, так как ресурсы, которые можно было бы теоретически высвободить из этой отрасли, невозможно направить в альтернативное гражданское производство. Это означает, что никаких альтернативных издержек не существует.

ния к совершенству, поскольку не требует проводить дальнейшей серьезной либерализации. Размещение государственных заказов в заброшенных секторах экономики и введение твердой дисциплины позволят свести на нет препятствия на пути развития конкуренции, возведенные привилегированными кругами, и начать восстанавливать экономику, не вызывая негативной реакции со стороны элиты. Как и в советские времена, Россия получит возможность воспользоваться преимуществами политики занятости, несмотря на ее микроэкономическую неэффективность¹⁶.

Структурная милитаризация

Инициативы развития, которые исходили от правительства России на протяжении всего XX столетия, редко позволяли достичь описанного высокого стандарта. Инициативы сводились на нет репрессиями, использованием насильственного труда, террором и – менее очевидно – постоянным наращиванием избыточных мощностей оборонной промышленности и вооружения. Виталий Шлыков объясняет такое направление расходования средств «структурной милитаризацией», искажением каждой составляющей российской эконо-

мической системы – размеров, содержания и размещения капитальных активов и трудовых ресурсов¹⁷; стало привычкой делать расширение военных производственных мощностей приоритетным направлением развития, чтобы выиграть затяжную «тотальную войну», даже когда руководство признает, что никакой непосредственной угрозы реально не существует.

Примечание. На основе изучения огромной массы архивных источников *Леннарт Самуэльсон* недавно написал две работы, посвященные исследованию советской «мобилизационной экономики», базировавшейся на избыточных мощностях: *Plans for Stalin's War Machine, Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925-1941*. Macmillan Press Ltd (Center for Russian and East European Studies, University of Birmingham), 2000; *Rod koloss pa larvfotter, Rysslands Ekonomi I Skuggan av 19000-Talskrigen*. 1999. SNS Forlag. Stockholm. Он обнаружил, что планирование в соответствии с доктриной готовности к войне было доминирующим фактором во время сталинских пятилеток и пятилеток его преемников. По словам *Самуэльсона*, в СССР не только составляли планы для «наихудших сценариев», но и готовили под них огромные резервы. Эта предусмотрительность оказала хорошую службу СССР во время второй мировой войны. *Самуэльсон* считает, что именно эта традиция доминировала в образе мыслей советского руководства и в послевоенное время. В начале 30-х годов XX в. плановики стремились сохранять издержки на низком уровне за счет строительства новых военно-промышленных мощностей без массового перевооружения, но о потребности в расширении ВПК во время подготовки ко второй миро-

¹⁶ К Европейскому Союзу иногда относятся как к своего рода «Петру». Многие считают, что членство в нем может заставить российские рынки подчиняться «власти закона». Однако дисциплина, которую имеют в данном случае в виду, в принципе отличается от кейнсианско-петровской модели, поскольку ее используют для того, чтобы открыть возможности для развития свободной конкуренции, а не в качестве компенсации неэффективной экономики элитных привилегированных групп. Есть также основания предполагать, что Россия сумеет коррумпировать Евросоюз и вместо того чтобы усваивать его правила, начнет его грубо «использовать». Нежелание финнов присоединить некогда принадлежавшую им Карелию является в этом смысле весьма поучительным обстоятельством.

¹⁷ Например, Шлыков утверждает, что мощности России по производству стали и алюминия в 4 раза превышают те, которые были бы оправданы в свете кремлевской доктрины готовности к войне. Избыточные алюминий и сталь сегодня экспортируются (по демпинговым ценам) на мировой рынок.

вой войне и о влиянии «структурной милитаризации» стали говорить открыто. Советский Союз оказался обременен оборонной стратегией, которая, будучи изначально направлена против Гитлера, вскоре стала использоваться против Запада. *Самуэльсон* отстаивает точку зрения, согласно которой на протяжении большей части послевоенного периода СССР имел два промышленных комплекса: ядерный, целью которого было устрашение, и массовую армию, постепенно превращавшуюся в номинальную структуру, вскоре ставшую не только неуместной, но и истощавшей экономику страны. Как экономист-историк, *Самуэльсон* проводит более широкий анализ, обращаясь к истокам мобилизационной модели, лежащих, по его мнению, в идеях *Ивана Блока* 1890-х годов. Этот бывший царский советник отстаивал, прежде всего позицию, согласно которой страны, должным образом подготовленные к тотальной войне, победят. Но впоследствии он предвидел и такой поворот событий, при котором проигрывали все. Г. Уэллс осуждал первую мировую войну, развернувшуюся по большей части в окопах, как «войну Блока». *Самуэльсон* утверждает, что победа Сталина во второй мировой войне вписывается в изначальную концепцию Блока, но опровергает утверждение о том, что мобилизационный подход впоследствии превратился в атакизм. Таким образом, анализ проблем, стоящих перед Путиным, проведенный в этой статье, может рассматриваться как продолжение спора Блока и Уэллс относительно возможности возникновения тотальной войны, а также осуществления рационального оборонного планирования. Следует отметить, что производители вооружения предпочитали «мягкие» цели. Мобилизацией занимались как раз плановики из военно-промышленного комплекса.

Прилагательное «структурная» в тех значениях, в которых его использует Шлы-

ков, относится как к материальному аспекту предложения, так и к неэкономическому поведению, в рамках которого рациональный выбор подчиняется идее фикс о необходимости максимальной готовности.

Цена этой идеи-фикс, измеренная в ограничении производства потребительских товаров, низком качестве продукции, инвестициях, направленных «не в те» отрасли, избыточных оборонных мощностях, разрушенных природных ресурсах, загрязнении окружающей среду, сдержанном экономическом росте, была, по мнению Шлыкова, огромна. Она представляет собой наглядное объяснение причин краха Советского Союза. Хотя пагубные последствия структурной милитаризации были существенно сглажены в результате резкого сокращения ресурсов, направляемых с 1991 г. в оборонную промышленность, инфраструктура и менталитет остались и по-прежнему представляют угрозу любой государственной программе развития, проводимой ради решения экономических проблем России и проблем безопасности¹⁸. Существует явная опасность того, что методы Кейнса и Петра будут восприняты ВПК, так что, даже если Россия действительно сможет возродиться, страна останется бедной, а мировое сообщество будет по-прежнему в опасности. Отвергнув версию готовности к «тотальной войне», предложенную со-

¹⁸ Путин обещает «подготовить для усиления мобилизационной готовности план переоснащения капитальных фондов основных промышленных предприятий, имеющих стратегическое значение для национальной безопасности, и с этой целью мобилизовать все необходимые ресурсы» (см.: *Независимое военное обозрение*. 2000. №11). После 1997 г. – в период 1998–2000 гг. – годовой прирост оборонной промышленности составлял 23%. Выпуск военной продукции за этот период вырос с 9,4 до 17,5 % по сравнению с уровнем 1991 г. (см.: Cooper Julian. *The Russian Military-Industrial Complex: Current Problems and Future Prospects*: Доклад, отчетанный для семинара «Потенциал России в XXI в.». House of Estate. Helsinki, 2001, March. Finland. Стоит также отметить, что расточительное использование природных ресурсов продолжается и в гражданском секторе экономики – как отражение менталитета, ориентированного на военную мобилизацию.

ветской командной экономикой, Кремль придет в итоге к модели, сходной с моделью, разработанной архитектором гитлеровской системы Ялмаром Шахтом¹⁹.

Таким образом, понимает Путин всю сложность ситуации или нет, он находится между молотом и наковальней. У него есть две стратегии выхода, которые могли бы позволить России повысить уровень жизни и укрепить национальную оборону, чтобы обеспечить защиту страны от возможных угроз, исходящих из Азии в эпоху революции в военном деле²⁰, но обе они требуют проведения культурной революции. Путин может присоединиться к Западу, приняв англо-американскую модель цивилизации, включающую полную интеграцию в глобальную экономику, или может помочь России избавиться от милитаристского менталитета, что соответствовало бы любой из петровско-кейнсианских стратегий развития под контролем государства. Оба курса могли бы дать желаемые результаты, если бы не казались столь неосуществимыми по ряду различных причин. Сила инерции благоприятствует сохранению *status quo* системы привилегий, и любая попытка активизировать развитие страны, вовлекающая ВПК, похоже, обречена на подавление структурной милитаризацией.

Примечание. Неудивительно, что, выступая 21 марта 2001 г. в Нижнем Новгороде, Путин сказал, что ВПК является приоритетным сектором.

Восстановление ВПК оживит экономику и укрепит систему национальной безопасности. Он призвал частных инвесторов вкладывать средства в ВПК и «осторожно относиться» к предприятиям-банкротам в оборонном секторе. ИТАР ТАСС, 21 марта 2001: Владимир Путин не скрывает своих амбиций относительно восстановления России как великой военной державы. Для достижения этого он не ограничивается эффективным личным полетом на Су-2С, погружением под воду на борту ядерной подводной лодки, снабженной баллистическими ракетами, или частыми визитами на военные базы и оборонные заводы. Он хочет укрепить российские вооруженные силы и оборонную промышленность более действенными способами. Правительство Путина 27 января 2000 г. одобрило программу размещения оборонных заказов на 2000 г. Впервые за многие годы программа была одобрена в самом начале года, а не в конце весны или летом, что было обычной практикой, дестабилизировавшей весь процесс поставки. Размер ассигнований на поставки вооружений, зафиксированный в программе, составил 62 млрд руб., что на 50% превышает ассигнования 1999 г. Программа поставок потребовала более 40% общего оборонного бюджета на 2000 г. (141 млрд руб.), что является еще одним радикальным изменением по сравнению с практикой последних лет, когда отчисления на поставки вооружений не превышали 15% всего оборонного бюджета. Оборонный бюджет на 2000 г. впервые за последние 10 лет содержит также статью расходов на проведение военных учений войск запаса. Новая военная доктрина России, подписанная Путиным 21 апреля, разработана в лучших советских традициях. В ней вновь провозглашается необходимость поддерживать и расширять мобилизационный потенциал промышленности на случай ведения полномасштабной войны.

Если проведение либерализации по первому сценарию не удастся или Путин

¹⁹ Сейчас опасность попасть в этот капкан грозит Китаю.

²⁰ Lee William T. The ABM Treaty Was Dead on Arrival // Comparative Strategy. 2000. Т.19. №2. Апрель-июнь. В этой связи стоит заметить, что, несмотря на общественное мнение, СССР и теперь Россия активно работали и продолжают работать над созданием системы стратегической противоракетной обороны. Эти попытки были замаскированы путем регистрации противоракетных мощностей как противовоздушных ракет двойного назначения (SAM/ABM), поддерживающихся соответствующим радаром. Например, SA-10 имеет в арсенале баллистические ракеты с дальностью действия 3500 км. На этот год запланирована разработка новых SA-X-20, а затем – S-500, чтобы в 2010 г. начать их поставку. Все эти виды вооружения и связанные с ними сети радиолокационных станций нарушают договор по ПРО.

выберет стратегию бездействия, то Россия станет «больным Евразии» – первым кандидатом на исключение из членства в Сообществе. Если Путин не сможет заставить государственную стратегию развития работать в гражданских отраслях, то структурная милитаризация приведет мир к возобновлению вооружения и мультиполярной холодной войне.

Примечание. Попытки модернизации ВПК, предпринятые первоначально Путиным, не производили впечатления настойчивых. До сих пор не поступало никаких сигналов о необходимости ускорить поставки. Правительство не выполнило свое обещание об увеличении расходов на закупку вооружений на 50% в 2000 г., а также о выплате долгов военным. По словам главкома по вооружениям, заместителя министра обороны Анатолия Ситнова, на 1 июня 2000 г. правительство покрыло обязательства по закупкам вооружений

только на 6,5% заявленной суммы. (см.: Независимое военное обозрение. 2000. № 20. (июль) С. 9-15.) Предварительный проект оборонного бюджета на 2001 г. предполагает двукратное увеличение расходов на оборону, но Шлыков считает, что большая часть средств предназначена для погашения старых долгов и закупки вооружений по уже сделанным ранее заказам. Как часть российской кампании против американской ПРО Путин объявил о своем намерении значительно сократить стратегические ракетные силы Кремля. (*Шлыков Виталий.* Армия/экспертиза: не ремесло, а новое искусство // Итоги. 2000. №17(213). 4 июля).

Это означает, что, пока страны, имеющие с Россией общие границы, не представляют неотвратимой угрозы, они не позволят дышащей на ладан путинской экономике убаюкать их в самодовольстве.

(Перевод Н.А. Венниковой)